

НЕЗАКОННАЯ ТОРГОВЛЯ СПИРТНЫМ В ВЕЛИКОРУССКОЙ ДЕРЕВНЕ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.

© Иван Александрович ШЕВЧЕНКО

Липецкий государственный педагогический университет,
г. Липецк, Российская Федерация, аспирант,
кафедра отечественной истории, e-mail: iash@rambler.ru

Рассмотрена незаконная торговля спиртными напитками в великорусской деревне конца XIX – начала XX в. Данный период обеспечивает ученых-историков богатым материалом в отношении того, как власть, общество и народ реагировали на существование данного явления. Источниковой базой исследования стали различные комментарии представителей государственной власти, прошения сельских обществ, стенографические отчеты заседаний Государственной Думы, отчеты ведомств, анкеты и статистические данные, мемуарная литература. Выявлен рост незаконной торговли алкоголем в период винной монополии (1895–1914 гг.), что было обусловлено формальным противодействием этому явлению со стороны государства, а также лояльным отношением крестьянства к шинкарству. Благоприятные условия для занятия шинкарством способствовали его распространению как сравнительно легкого способа поправить хозяйственные дела. В свою очередь, появление в селе нескольких точек незаконной продажи вина, несомненно, являлось фактором, стимулирующим потребление спиртного.

Ключевые слова: шинкарство; винная монополия; великорусское крестьянство.

Распространение среди населения умеренного потребления алкогольных напитков и противодействие этому явлению со стороны власти и общества – проблема не последних лет для России. В начале 2010-х гг. эта тема приобретает особую актуальность в связи с принятием и вступлением в силу ряда поправок в закон о регулировании производства и оборота алкогольной продукции, ужесточивших правила продажи и потребления спиртных напитков.

Как известно, одной из важнейших составляющих антиалкогольной борьбы для любого государства являются предупредительные, запретительные и карающие меры в отношении незаконного оборота спиртного, который, как правило, создает благоприятную среду для распространения некачественной продукции, угрожающей жизни и здоровью населения, приводит к алкоголизации населения в целом.

В этой связи представляется немаловажным изучение исторического опыта противодействия тайной торговле спиртным в России. Период конца XIX – начала XX в. обеспечивает исследователя богатым материалом в отношении того, как власть, общество и народ реагировали на существование данного явления.

Сто лет назад в Российской империи имела место ситуация, аналогичная современной: Государственная Дума, обществен-

ность, государственные структуры активно участвовали в обсуждении темы пропаганды трезвого образа жизни в стране, предпринимали меры, направленные на уменьшение потребления спиртного населением. Среди прочего на повестке дня тогда стоял вопрос о противодействии тайному обороту алкогольной продукции – шинкарству. В данной статье предпринимается попытка выяснить масштабы и роль шинкарства в великорусской деревне в конце XIX – начале XX в., а также определить общее направление государственной политики в отношении незаконной торговли спиртными напитками.

Источниковой базой для решения такой проблемы являются различные комментарии представителей государственной власти, прошения сельских обществ, стенографические отчеты заседаний Государственной Думы, отчеты ведомств, анкеты и статистические данные, мнения современников.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона называет шинкарство синонимом корчемства и определяет его как «тайную выделку, провоз и продажу предметов, обложенных акцизом или представляющих регалию казны (вино, пиво, табак, соль)», «чаще всего... тайный провоз и продажу вина» [1, с. 359]. Стоит отметить, что несмотря на определенную многозначность термина, в рассматриваемый нами период он употреблялся современниками в подавляющем

большинстве случаев как синоним незаконной торговли спиртными напитками. Видимо, самогонование не было распространено в деревне в указанное время по причине доступности спиртного в специализированных местах продажи. По мнению исследователей, рост самогонования начался в годы Первой мировой войны, в начале которой в России был введен «сухой закон» [2, с. 76].

С 1895 г., когда в губерниях Российской империи постепенно началась вводиться казенная винная монополия, противодействие государства шинкарству должно было стать еще более жестким.

Однако на деле ситуация обстояла несколько иначе. Если обратиться к Уставу о питейных сборах 1901 г., регулировавшему производство и оборот спиртных напитков в Российской империи, то можно отметить относительную мягкость санкций, предусмотренных за незаконную торговлю алкоголем. В районах страны, где действовала казенная продажа питей, за торговлю алкогольными напитками без разрешения налагался штраф размером не более 30 руб., если нарушитель распространял крепкие напитки с неповрежденными печатями, пломбами и этикетками на вынос, или тюремное заключение от 4 до 8 месяцев, если торговля велась распивочно, с повреждением вышеперечисленного. Судебные дела о корчемстве возбуждались по протоколам чиновников акцизного ведомства [3, с. 562]. В ряде случаев у шинкарей даже не был конфискован товар.

В подтверждение того, что эти меры не устраивали желающих заработать на незаконной торговле спиртным, можно привести слова архангельского губернатора С.Д. Бибикова, рассказывавшего следующее: «Подобного рода случай имел место в 1912 г. на острове Колгуеве, куда намеревались провезти водку в количестве нескольких ведер для спаивания самоедов, штраф за это был наложен в размере 3 руб., и водка была возвращена» [4, л. 75].

Можно не сомневаться, что подобное отношение со стороны властей способствовало тому, что шинкарство в годы винной монополии значительно увеличилось. Д.Н. Воронов, исследовавший потребление спиртного в Пензенской губернии, приводил следующие цифры, характерные для Европейской России. В 1902 г. на этой территории было зарегистрировано 26 тыс. случаев тайной продажи вина. В 1910 г. – уже 61 тыс. [5,

с. 48]. Аналогичные показатели дает региональная статистика. По сведениям акцизного управления в Вологодской губернии в 1905 г. в производстве о тайной продаже вина находилось 352 дела, в 1913 – 1134, и это только то, что власти сумели обнаружить [4, л. 58об.].

Экономист И.Х. Озеров находил причины распространенности шинкарства в материальном неблагополучии деревни. «У бедной женщины, одинокой бобылки, нет коровы, нет даже овец, домашнее хозяйство в полном упадке. Да и велико ли оно? Две ложки, ухват, один горшок. Что остается такой бабе делать, если есть хоть капля энергии. Конечно, шинок завести: это и легко и выгодно», – отмечал Озеров [6, с. 90].

К похожему выводу пришла комиссия по борьбе с пьянством, работавшая в Государственной Думе третьего созыва. Ею отмечалось, что «в центральных губерниях империи корчемством занимаются солдаты, вдовы и вообще небогатый люд, имеющий оборотный капитал в несколько десятков рублей» [7, с. 2391].

Для Воронова средний статистический шинкарь – это женщина, «соблазнившаяся легким способом заработать лишнюю копейку, чтобы заполнить прорехи в своем «бабьем бюджете» [5, с. 51]. По его сведениям, годовой оборот шинка давал 50–60 руб. заработка, что для женщины весьма неплохо [5, с. 54].

Специфику борьбы государства с тайной продажей вина составлял также тот факт, что шинкарство, как ни странно это звучит на первый взгляд, отвечало фискальным интересам казны. Дело в том, что держатели шинков закупали продукцию для своей торговли в казенных винных лавках оптом, что не являлось секретом ни для народа, ни для властей. В прошении о закрытии казенной винной лавки, адресованном министру финансов от совета Сергиевского братства трезвости и взаимопомощи села Толстых Веневского уезда Тульской губернии, говорилось: «Близость шинка – соблазн для мужика, близость казенной лавки – соблазн для шинкарки, давая ей всегда возможность без труда и затрат времен запастись вином» [8, л. 151].

Об этом же свидетельствует характерная запись в журнале Особого совещания представителей ведомств Орловской губернии, созванного в апреле 1914 г. для обсуждения мер борьбы с чрезмерным потреблением

спиртных напитков: «...самая организация продажи вина в казенных винных лавках создает благоприятные условия для развития корчемства. Так, продавцы казенных винных лавок не только не способствуют искоренению этого зла, а, наоборот, упрочивают его, поддерживая деятельность шинкаря продажей ему оптом большего количества вина, чем при продаже его в розницу отдельным потребителям» [4, л. 79об.-80]. Причина этого – материальный интерес продавца казенки: увеличение оборотов лавки вело к ее переводу в высший разряд с соответственным увеличением вознаграждения сидельца.

Кроме того, как отмечала думская комиссия по борьбе с пьянством, «сиделец винной лавки заинтересован в том, чтобы в районе его лавки было возможно больше лиц, занимающихся корчемством, ...потому что это облегчает его труд, давая ему возможность торговать сравнительно большими партиями и не весь день сидеть за прилавком» [7, с. 2392].

Нередко продавцы казенного вина злоупотребляли своим положением. «Закрытие... винной лавки необходимо еще и потому, что сиделец ее Медведев после закрытия казенки переносит торговлю водкой по соседству в свой собственный дом, при котором им устроен постоянный двор и торгует там и ночью, и в праздники. Спаивание ведется ужаснейшее...», – говорится в прошении дворянина С.Ф. Еленина о закрытии по «мольбам крестьян» казенной винной лавки в селе Лубни Смоленского уезда той же губернии [8, л. 28].

Участник Первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством, проходившего в Санкт-Петербурге на рубеже 1909–1910 гг., Н.С. Соколов, рассказывая о ситуации, когда в одном селе после закрытия казенной лавки возникло три места тайной продажи вина, приводил слова бездействовавшего земского начальника: «Казна ничего не теряет, все равно продается казенное вино, а я спокоен» [9, с. 896].

Анализируя причины сложности борьбы с шинкарством, помимо двойственного отношения к нему властей на местах можно выделить еще две. Обе связаны с отношением местного населения к тайной торговле спиртным на территории их проживания, точнее с мотивами, позволявшими крестьянам во многих случаях отказываться от борьбы с тайной торговлей алкоголем или

даже ее покрывать. В то же время речь может идти о страхе сельчан перед угрозами со стороны держателей шинков. Об этом писал врач И.И. Рождественский, проводивший в 1913 г. анкетный опрос о пьянстве сельского населения Уфимской губернии: «...бороться с шинкарством становится очень и очень опасно: шинкари пользуются хулиганами с целью наводить страх на односельчан, обнаруживающих какие-либо тенденции стеснить их в таком выгодном занятии, как шинкарство» [10, с. 27].

С таким утверждением можно отчасти согласиться, однако стоит отметить, что благополучие держателей мест тайной продажи вина основывалось не только и не столько на страхе крестьян перед мезью, сколько на ряде выгод, получаемых сельскими обывателями от существования шинка в их деревне. В том же журнале Особого совещания представителей различных ведомств Орловской губернии имеется следующая запись: «Местный шинкар, связанный с деревней родственниками и житейскими связями, является к услугам местного населения в нужную минуту, избавляя односельцев от необходимости поездки в соседнее село за водкой, снабжая водкой нередко на льготных условиях не наличные деньги, а под залог домашнего скарба, и эти услуги оцениваются односельцами, видящими в шинкаре не нарушителя неведомого им Акцизного Устава, а своего человека, нуждающегося в их охране от притязаний полиции и акцизного надзора» [4, л. 79об.].

В продолжение темы Воронов отмечал, что «шинки за очень редкими исключениями вовсе не служат притонами массового пьянства, тем более разврата и карточной игры, как это принято думать» [5, с. 54]. Причина этого видится в характере потребления спиртных напитков крестьянами. По утверждению ряда исследователей этого вопроса, потребление алкоголя носило в деревне спорадический характер, т. е. крестьянин пил не систематически, а время от времени, как правило, в дни больших семейных и церковных праздников [11–12]. В этой связи необходимо отметить, что для таких случаев сельчане предпочитали совершать покупки в казенных винных лавках, чтобы избежать переплаты. По сведениям Воронова, переплата в шинках составляла более 1,5 руб. за ведро [5, с. 23]. Кроме того, известно, что число хронических алкоголиков традицион-

но в дореволюционной деревне было ничтожно мало, по отзывам современников, 1–2 человека на сотню [13, с. 268].

Стоит отметить, что еще задолго до введения казенной продажи питей крестьянством был выработан механизм, позволяющий при желании большинства участников сельского схода ликвидировать в селе питейное заведение, если его существование, по мнению жителей, наносило вред хозяйству, нравственному и физическому здоровью населения. С введением винной монополии государство ограничило деревню в реализации этого права, полагая, что крестьяне начнут им пользоваться, руководствуясь не трезвенническими мотивами, а отдавая предпочтение шинкам вместо казенных винных лавок. Теперь утверждение приговоров о закрытии в деревнях питейных заведений находилось в руках Министерства финансов, чиновники которого перед вынесением вердикта выясняли, какие причины подвигли крестьян на такое решение.

Логика государства понятна – вполне можно допустить случаи, когда сельский сход постановлял о закрытии казенной лавки в селе за определенное вознаграждение со стороны держателя шинка, желающего избавиться от конкуренции. Ситуация осложняется, если допустить правомерность логики крестьян из Тульской губернии, утверждавших, что «близость казенной лавки – соблазн для шинкарки». В этом случае закрытие казенки осложняло ведение тайной торговли – ведь чем дальше находилась лавка, тем накладнее было вести дело корчемникам, расходующим средства на доставку спиртного.

Видимо, и в этой ситуации фискальный интерес казны превалировал над задачами государства ограничивать потребление спиртного. В подтверждение этого можно привести слова прокурора архангельского окружного суда С.Р. Некраша, которому «неоднократно приходилось давать заключение в Комитете трезвости о необходимости закрытия винных лавок. Представитель акцизного ведомства всегда замечал, что просьба о закрытии винной лавки удовлетворена ни в коем случае не будет» [4, л. 74об.]. Об этом же свидетельствовали сами крестьяне. Один из корреспондентов газеты «Русские ведомости» писал о том, что как-то поинтересовался у жителя большого села, отчего сельчане не просят о закрытии казенной лавки, оказывавшей негативное влияние на

хозяйственный и моральный облик жителей. В ответ услышал твердое: «Все равно не закроют» [14].

Подобное отношение государственных органов способствовало распространению точек незаконной торговли спиртным, что не могло не приносить свои плоды. В.А. Черневский, изучавший потребление спиртного во Владимирской губернии в начале XX в., пришел к следующему выводу: «...три основных причины способствуют пьянству местного населения: «темнота народная», шинки и оторванность молодежи от семьи» [15, с. 26]. И.И. Рождественский указывал на то, что 37 % опрошенных им респондентов причиной неумеренного употребления алкогольных напитков назвали наличие шинков, 32 % – различные сельские торжества, 25 % – неграмотность [10, с. 29].

Необходимость активизации борьбы с тайной торговлей спиртным встала на повестку дня в России в период работы Государственной Думы третьего созыва. Там эта тема поднималась в рамках разработки общего законопроекта по борьбе с пьянством в стране.

16 ноября 1907 г. на одном из первых заседаний Третьей Думы депутат от Союза 17 октября М.Д. Чельшев произнес речь с призывом начать широкую антиалкогольную кампанию в стране [16, с. 317]. Его призыв нашел отклик у депутатов, для выработки соответствующего законопроекта была создана специальная комиссия [16, с. 1002].

Законопроект по борьбе с пьянством был принят Государственной Думой в декабре 1911 г. Он содержал в себе помимо прочего несколько моментов, ужесточивших наказания за торговлю спиртным без соответствующего разрешения. В первый раз виновные, согласно законопроекту, должны были подвергаться штрафу от 10 до 100 руб. и аресту до 3 месяцев, при дальнейших аналогичных нарушениях – штрафу от 30 до 300 руб. и лишению свободы от 2 недель до 1 года. Кроме того, депутаты предусмотрели возможность стимулирования усилий местных властей по борьбе с шинкарством. За обнаружение мест тайной продажи алкогольных напитков представители полиции, сельской и волостной администрации могли претендовать на вознаграждение в пределах половины стоимости конфискованного товара, при этом – не менее 15 руб. Вместе с тем законопроект предполагал ужесточение наказания за укрывательство местными властями тай-

ной торговли – штраф от 5 до 50 руб. или арест от 3 до 14 суток [17].

Данный проект закона поступил в распоряжение Государственного Совета, где рассматривался до февраля 1914 г., когда после внесения некоторых корректировок был возвращен в Государственную Думу уже четвертого созыва для доработки.

Доработка происходила в относительно новых условиях трезвеннической борьбы. 30 января 1914 г. был отправлен в отставку министр финансов В.Н. Коковцов, его место занял П.Л. Барк. В высочайшем рескрипте на его имя императором Николаем II указывалось на то, что «благосостояние казны должно быть поставлено в зависимость не от разорения духовных и хозяйственных сил населения, а от подъема его материального положения и от народного производительного труда, не подрываемого нетрезвой жизнью» [4, л. 2].

Тем самым была активизирована деятельность различных государственных структур, направленных на разработку и принятие разнообразных мер, которые должны были способствовать реализации обозначенной в высочайшем рескрипте идеи.

Весной 1914 г. в ряде губерний были созваны особые совещания по борьбе с пьянством, в заседаниях которых принимали участие представители администрации, полиции, церкви [4, л. 58, 74, 79]. Согласно протоколам этих заседаний, одной из главных причин неумеренного потребления спиртных напитков в деревне называлось шинкарство [4, л. 37-39].

Неизвестно, какая судьба, в конечном счете, постигла бы антиалкогольный законопроект, разрабатывавшийся и обсуждавшийся на разных уровнях более шести лет. Неизвестно и то, чем бы закончилась активность государственных органов, по-своему начавших реагировать на императорский рескрипт. В августе 1914 г. в связи с началом Первой мировой войны в Российской империи был введен «сухой закон». В истории борьбы за трезвость открылась новая страница.

Подводя итог, можно отметить, что благополучие шинкарей и определенный рост незаконной торговли алкогольными напитками были обусловлены двумя основными факторами. С одной стороны, это формальное отношение к проблеме со стороны государства, де-факто смотревшего на шинкарство как на один из инструментов пополнения

бюджета страны. В то же время государство в период активизации трезвеннической борьбы могло выставить шинкарство своего рода жупелом, объявив его главной причиной пьянства. Такая постановка вопроса избавляла чиновников от необходимости выявлять глубинные социально-экономические и духовные причины потребления народом спиртного, дававшего до трети дохода казны.

С другой стороны, само крестьянство не стояло единым фронтом в борьбе с корчемством. До определенного момента наличие шинка в деревне устраивало сельчан из-за возможности в любое время быстро получить нужное количество спиртного, если казенная лавка находилась далеко. Такая необходимость вполне могла возникнуть в деревне в случае, если, к примеру, крестьянин хотел отблагодарить соседа за оказанную помощь, поставить «магарыч» сельской администрации и т. п. Кроме того, постоянной клиентурой шинков были сельские пьяницы, которых, впрочем, было очень скромное число. Крупные закупки алкоголя несколько раз в год к престольным праздникам, свадьбам, крестинам крестьяне вряд ли совершали в шинках, чтобы избежать переплаты.

Все эти факторы в совокупности и являлись причиной довольно скромной прибыли отдельно взятого шинка в великорусской деревне. Однако благоприятные условия для занятия шинкарством способствовали его распространению, как сравнительно легкому способу поправить хозяйственные дела. В свою очередь, появление в селе нескольких точек незаконной продажи вина, несомненно, являлось фактором, стимулирующим потребление спиртного. Роль государства могла бы стать ключевой в ограничении этого процесса. Тем не менее, в рассматриваемый период ситуация складывалась иначе. Предполагаемое Государственной Думой ужесточение наказаний за шинкарство смогло бы при реализации сыграть определенную роль в борьбе с незаконной торговлей алкоголем.

Однако предложение – результат спроса, и одних карающих механизмов в данном направлении недостаточно. В прессе того времени сообщалось о ситуации, когда в селе Бусаеве Рязанской губернии после закрытия винной лавки крестьяне обратились к властям с жалобой: «Водку отняли, а взамен ее ничего не даете» [4, л. 34]. Очевидно, что борьба государства со злоупотреблением спиртным должна вестись не только посред-

ством запретов, но и с помощью мер, направленных на удовлетворение культурных запросов населения, в противном случае заполняющего нечастные периоды досуга потреблением алкоголя.

1. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. СПб., 1895. Т. 16.
2. Литвак К.Б. Самогонование и потребление алкоголя в российской деревне 1920-х годов // Отечественная история. 1992. № 4. С. 74-89.
3. Фридман М.И. Винная монополия: в 2 т. Пг., 1916. Т. 2.
4. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 102. Оп. 112. Ед. хр. 90.
5. Воронов Д.Н. Алкоголизм в городе и деревне в связи с бытом населения. Обследование потребителей вина в Пензенской губернии в 1912 г. Пенза, 1913.
6. Озеров И.Х. На темы дня. К экономическому положению России. М., 1912.
7. Приложения к стенографическим отчетам Государственной Думы. Третий созыв. Сессия 1. 1907–1908 гг. СПб., 1908.
8. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 575. Оп. 6. Ед. хр. 827.
9. Соколов Н.С. Меры борьбы с пьянством по проекту Государственной думы и министерства финансов // Труды Первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством: в 3 т. СПб., 1910. Т. 2. С. 887-892.
10. Рождественский И.И. К вопросу о пьянстве в земледельческой деревне. М., 1914.
11. Дмитриев В.К. Критические исследования о потреблении алкоголя в России. М., 2001.
12. Первушин С.А. Опыт теории массового алкоголизма в связи с теорией потребностей. СПб., 1912.
13. Астырев Н.М. В волостных писарях. Очерки крестьянского самоуправления. М., 1896.
14. Северянин. Борьба с алкоголизмом // Русские ведомости. 1907. № 288.
15. Черневский В.А. К вопросу о пьянстве во Владимирской губернии и способах борьбы с ним. Владимир, 1911.
16. Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1908.
17. Одобренный Государственною Думою законопроект о мерах борьбы с пьянством (об изменении и дополнении некоторых, относящихся к продаже крепких напитков, постановлений) // Чельшев М.Д. Речи, произнесенные в Третьей Государственной Думе, о

необходимости борьбы с пьянством и по другим вопросам. СПб., 1912. С. 690-701.

1. Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona: v 86 t. SPb., 1895. T. 16.
2. Litvak K.B. Samogonovarenie i potreblenie alkogolya v rossiyskoy derevne 1920-kh godov // Otechestvennaya istoriya. 1992. № 4. S. 74-89.
3. Fridman M.I. Vinnaya monopoliya: v 2 t. Pg., 1916. T. 2.
4. GARF (Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii). F. 102. Op. 112. Ed. khr. 90.
5. Voronov D.N. Alkogolizm v gorode i derevne v svyazi s bytom naseleniya. Obsledovanie potrebiteley vina v Penzenskoy gubernii v 1912 g. Penza, 1913.
6. Ozerov I.Kh. Na temy dnya. K ekonomicheskomu polozheniyu Rossii. M., 1912.
7. Prilozheniya k stenograficheskim otchetam Gosudarstvennoy Dumy. Tretiy sozyv. Ses-siya 1. 1907–1908 gg. Spb., 1908.
8. RGIA (Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv). F. 575. Op. 6. Ed. khr. 827.
9. Sokolov N.S. Mery bor'by s p'yanstvom po proektu Gosudarstvennoy dumy i ministerstva finansov // Trudy Pervogo Vserossiyskogo s"ezda po bor'be s p'yanstvom: v 3 t. Spb., 1910. T. 2. S. 887-892.
10. Rozhdestvenskiy I.I. K voprosu o p'yanstve v zemledel'cheskoy derevne. M., 1914.
11. Dmitriev V.K. Kriticheskie issledovaniya o potreblenii alkogolya v Rossii. M., 2001.
12. Pervushin S.A. Opyt teorii massovogo alkogolizma v svyazi s teoriey potrebnostey. Spb., 1912.
13. Astyrev N.M. V volostnykh pisaryakh. Ocherki krest'yanskogo samoupravleniya. M., 1896.
14. Severyanin. Bor'ba s alkogolizmom // Russkie vedomosti. 1907. № 288.
15. Chernevskiy V.A. K voprosu o p'yanstve vo Vladimirskoy gubernii i sposobakh bor'by s nim. Vladimir, 1911.
16. Gosudarstvennaya Duma. Tretiy sozyv. Stenograficheskie otchety. Sessiya pervaya. Spb., 1908.
17. Odobrennyy Gosudarstvennoyu Dumoyu zakonoproekt o merakh bor'by s p'yanstvom (ob izmenenii i dopolnenii nekotorykh, odnosyashchikhsya k prodazhe krepkiikh napitkov, postanovleniy) // Chelyshev M.D. Rechi, proiznesennye v Tret'ey Gosudarstvennoy Dume, o neobkhodimosti bor'by s p'yanstvom i po drugim voprosam. Spb., 1912. S. 690-701.

Поступила в редакцию 20.12.2013 г.

ILLEGAL TRADE OF ALCOHOL IN RUSSIAN VILLAGE OF LATE 19th – EARLY 20th CENTURY

Ivan Aleksandrovich SHEVCHENKO, Lipetsk State Pedagogical University, Lipetsk, Russian Federation, Post-graduate Student, Russian History Department, e-mail: iash@rambler.ru

The illegal sale of alcoholic beverages in the Russian village of the late 19th – early 20th century is considered. Source base study was various comments from the public authorities, petitions rural societies, verbatim records of the meetings of State Duma, reports agencies, questionnaires and statistical data, memoirs. The growth of illegal trade in alcohol in wine monopoly period (1895–1914) is disclosed, which was due to formal opposition to this phenomenon by the state, as well as the loyal attitude to the peasantry Illegal trade in alcohol. The favorable environment for doing Illegal trade in alcohol contributed to its spread as a relatively easy way to improve economic affairs. In turn, the emergence of several points in the village of illegal sale of wine is undoubtedly a factor stimulating the consumption of alcohol.

Key words: illegal trade in alcohol; wine monopoly; Great Russian peasantry.